

Библиографический список

1. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
2. Гарр, Т. Р. Почему люди бунтуют / Т. Р. Гарр. – СПб. : Питер, 2005. – 461 с.
3. Дегтярев, А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы / А. А. Дегтярев // Полис. – 2004. – № 4. – С. 158–168.
4. Деметрадзе, М. Р. Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения / М. Р. Деметрадзе // Полис. – 2007. – № 4. – С. 83–99.
5. Подъячев, К. В. Институт обращений граждан в органы власти в России: возможности возникновения нового канала влияния / К. В. Подъячев // Полис. – 2007. – № 5. – С. 68–80.
6. Туровский, Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа / Р. Ф. Туровский // Полис. – 2009. – № 2. – С. 77–95.
7. Anderson, J. Public Policymaking / J. Anderson. – Boston : Houghton-Mifflin, 2003. – 322 p.
8. Birkland, T. An Introduction to the Policy Process: Theories, Concepts, and Models of Public Policy Making / T. Birkland. – Armonk : M. E. Sharpe, 2005. – 297 p.
9. Davies, J. C. Towards a Theory of Revolution / J. C. Davies // When Men Revolt and Why / Ed. by J. C. Davies. – New York : Free Press, 1971. – P. 1–18.
10. Dunn, W. Public Policy Analysis: An Introduction. – Upper Saddle River : Prentice Hall, 2004. – 512 p.
11. Kingdon, J. Agendas, Alternatives and Public Policies / J. Kingdon. – New York : Harper Collins, 1995. – 254 p.
12. Lijphart, A. Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration / A. Lijphart. – New Haven : Yale University Press, 1977. – 248 p.
13. Manheim, G. Empirical Political Analysis: Research Methods in Political Science / G. Manheim, R. Rich. – New York : Longman, 1994. – 484 p.
14. Pressman, J. Implementation: How Great Expectations in Washington are Dashed in Oakland: Or, Why It's Amazing That Federal Programs Work at All, This Being a Saga of the Economic Development Administration as Told by Two Sympathetic Observers Who Seek to Build Morals on a Foundation of Ruined Hopes / J. Pressman, A. Wildavsky. – Berkeley : University of California Press, 1973. – 182 p.
15. Rosebraugh, C. The Logic of Political Violence: Lessons in Reform and Revolution / C. Rosebraugh. – Portland : Arissa Media Group, 2003. – 282 p.
16. Schattschneider, E. E. The Semisovereign People: A Realist's View of Democracy in America / E. E. Schattschneider. – New York : Harcourt Brace Jovanovich College Publishers, 1975. – 143 p.

КОНЦЕПТ ЧУЖОГО В СИСТЕМЕ ТОЛЕРАНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.П. Романова
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: чужой, свой, другой, ксенофобия, толерантность, мультикультурализм, отчуждение, агрессия, культурная безопасность? поликультурализм.

Key words: the stranger, our, another, xenophobia, tolerance, multicultural, alienation, aggression, cultural safety, polycultural.

Понаехали тут
Современный российский фольклор

Современная жизнь кардинально меняет положение человека в социальном пространстве (П. Бурдьё). А человек меняет социальное пространство. Он его, по сути,

конструирует [2]. Несмотря на развивающуюся индустрию развлечений, де факто он становится все более одинок.

На протяжении веков у человека, внешне расширяясь (семья, род, этнос, нация, содружество наций, Евросоюз, планета Земля), реально постепенно суживался объем понятия «свой». В европейских культурах исчезает понятие рода, размывается этническая и религиозная принадлежность, в результате горизонтальной мобильности может меняться государство проживания. Меняется само понятие семьи, уходит большая патриархальная семья с традициями, передающимися поколениями, появляются такие понятия как неполная семья, однополая семья и т.д. Европейский человек, начиная с эпохи Возрождения, чувствует себя все более одиноким и незащищенным. Для него понятие «свой» начинает приобретать особый, почти мифический смысл.

Кто они – эти современные «свои»? Если ты принадлежишь к большому этносу или нации, такой как, например, русские, то порой не чувствуешь за собой многомиллионную стену, готовую поддержать тебя в трудную минуту и подставить плечо. Это скорее свойство малых этносов. Прожив половину своей жизни на Кавказе в Чечено-Ингушетии, автор очень четко видела разницу по отношению к «своим» внутри так называемого русскоязычного населения и среди чеченцев и ингушей. Даже будучи за границей, ты далеко не всегда ощущаешь единение со своими земляками. Годы борьбы с великодержавным шовинизмом в многонациональном Советском союзе приучили нас к мысли о стирании национальных границ, о неприличии деления на «свои» и «чужие» по национальному признаку. Здесь деление происходило скорее по социальным стратам. Однако принадлежность к тому или иному классу, а в данном случае скорее к непонятной и размытой социальной прослойке интеллигенции, не давала возможность четкой идентификации объема понятия «свой». К этому кругу в те уже почти мифические советские времена относились скорее коллеги по работе, семья и близкие друзья, а в широком смысле – все жители социалистического лагеря.

Сейчас корпоративная культура пытается выработать у работника чувство некой общности на благо корпорации, так называемой условной рабочей семьи. Однако процесс конкурентной борьбы, как неотъемлемая составляющая корпоративного бытия, делает понятие «свой» в этой ситуации синонимом формальной принадлежности. Согласитесь, что термин «член корпорации» обозначает позицию в социальном пространстве, место в этой корпорации указывает на культурный капитал (П. Бурдьё), но те эмоционально-психологические оттенки, которые несет в себе понятие «свой» в нем явно не прослеживаются. По сути своей современная корпорация – это гигантский симулякр семьи. Надо обладать японской социальной историей, чтобы попытаться сделать из корпорации подобие семейного родового клана, где место родства занимает профессиональная принадлежность.

Современные масс-медиа не дают человеку осознать постепенную истончаемость понятия «свой». Они открывают ему весь мир, делая его гражданином вселенной. От захватывающих дух возможностей, ему становится просто некогда по настоящему осознать свое одиночество. Но на самом деле самое страшное одиночество – это одиночество в толпе. Отсюда многочасовое сидение в «аське», поиск партнера по интернету, интернетовские клубы по интересам и секс по телефону. Жизнь становится сплошным симулякром.

Однако, несмотря на то, что суживается понятие «свой» – понятие чужой остается. Ведь уменьшение объема понятия «свой» увеличивает объем понятия «чужой», т.е. «не свой». Дихотомия становится непропорциональной.

В традиционных обществах и в классическую буржуазную эпоху, где эта дихотомия была достаточно устоявшейся, а мобильность – очень слабо выраженной и субъективное время текло гораздо медленнее, чужой мир был так же враждебен и опасен, но он уравнивался стабильностью и целостностью своего мира. Все этнические пословицы и поговорки всегда очень четко выстраивали иерархию этих отношений. Свой – высший, хороший, чужой – ниже. («Своя рубашка ближе к телу», «За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое», «Всяк кулик свое болото хвалит», «Родимая сторона – мать, чужая – мачеха»). «Но зато, в общем и в целом, – по

мнению Л.С. Васильева, – отношение к чужим этническим группам и на Востоке и на Западе вплоть до начала нового времени – за редкими исключениями... было скорее позитивным, нежели негативным» [4, с. 63].

Диапазон «чужих» был не очень широк. Конечно, это был весь незнакомый мир, представлявший собою для обывателя нечто неизведанное, а потому абстрактное. Этот чужой мир мог сравниться с опасностями мифов и сказок, которых боятся по определению. Конкретный же персонифицированный «чужой» в мирное время – человек из соседней деревни, заезжий торговец, редкий путешественник, гость в семье. Этот чужой настораживал, мог быть опасен. Но его могли принимать и как своего. Если гость на Кавказе стучался к тебе в дом, ему отдавали лучшее и защищали его до последней капли крови. Это относилось даже к условиям военных действий.

Особый тип «чужих» составляли проезжие иностранцы-путешественники. Это был штучный товар, всегда вызывавший повышенный интерес.

Иностранец, говорящий на чужом языке не только в средневековой России, но и в маленьких европейских городах XIX – начала XX в. был диковинкой. Даже сейчас в Китае в провинции Хайнань на небольшом тропическом острове, где автор работала в местном университете, они как редкие в том краю европеиды были объектом пристального внимания местных жителей, особенно детворы. Этот «чужой» как единственный феномен не представлял собой значимой угрозы, но оставлял после себя ценные дневники, которые подчас являлись единственными свидетельствами о прошедшем времени и культуре.

В прошлом, гости из столичных городов, тоже феноменологически представляли собой «чужого». Даже путешествие внутри страны из одной российской губернии в другую было скорее исключением (а очень часто приключением), чем правилом. Поэтому такие путешественники тоже оставляли подробнейшие дневники. Эти нарративные источники могут служить великолепным объектом для изучения некоего исторического социального пространства глазами «чужого». Причем глазами как внешнего, так и внутреннего чужого. Это два типа «чужести»: внутренняя и внешняя. Внешняя «чужесть» изначально обусловлена, с одной стороны, другим типом культуры, а отсюда некой отстраненностью и отграниченностью. Она может предполагать как позитивную, так и негативную интенциональность видения. Но даже негативная оценка воспринимается в такой ситуации менее болезненно. «Что с него взять, с басурмана».

Автор статьи попробовала себя в качестве «внешнего чужого», написав после своего первого ознакомительного визита в Китай статью «Современный Китай глазами российских ученых (путевые заметки астраханцев, в первый раз увидевших Китай)» [7]. И, несмотря на то, что нами были замечены не только парадные стороны китайского бытия, общее впечатление было позитивным.

«Внутренний чужой», как ни парадоксально звучит само словосочетание, будучи в основе своей человеком той же культуры, оказываясь в ситуации визитера, становится даже более пристрастным описателем, нежели «варяг». И негативизм последнего воспринимается острее, чаще всего как столичное чванство.

Поскольку Астрахань всегда была перекрестком, то ее посещали как внешние (А. Олеарий, Дженкинсон, Струйс, А. Дюма, Я. Потоцкий, и т.д.) так и внутренние (И. Аксаков, Т. Шевченко, Н. Чернышевский и т.д.) «чужие», оставившие после себя путевые заметки, представляющие собой интересное поле для исследований в данной области.

Другое дело, что в данном случае необходимо учитывать соотношенность личной идентичности и идентичности нарративной. Ряд подводных камней на этом пути показал с точки зрения феноменологической герменевтики П. Рикёр [5].

Таким образом, даже на первый взгляд, проблема чужого чрезвычайно сложна феноменологически. Чаще всего эта проблема рассматривается в этнографии, лингвистике, социологии, психологии. Наличие многовариантности дефинирования и понимания говорит о многополярности самого феномена. Чаще всего, особенно в учебной литературе, его дефинируют через перечисление основных характеристик.

«Чужой как нездешний, иностранный, находящийся за границами родной культуры; чужой как странный, необычный, контрастирующий с обычным и привычным окружением; чужой как незнакомый, неизвестный и недоступный для познания; чужой как сверхъестественный, всемогущий, перед которым человек бессилён; чужой как злоедей, несущий угрозу для жизни». Чаще всего чужой рассматривается как странник и мигрант. Именно такой подход стал классическим в социологии (Г. Зиммель «Чужой», 1908; А. Шютц «Чужой», 1950).

Однако феномен «чужого» – это не только продукт отношения к иному этносу, роду, языку. Это феномен инаковости как таковой, а отсюда и «чужести». Великолепный анализ этой проблемы был дан Б. Вальденфельсом [3].

Социальное пространство XXI в. иное. Активная социальная мобильность и самое главное центростремительные миграционные процессы делают проблему чужого для современной Европы чрезвычайно острой.

Главную характерную черту современной «чужести» можно выразить крылатой фразой: «Понаехали тут». Этот крик московской народной души, из локально-столичного перерос не только в общероссийский рев, но и в общеевропейский стон (правда в Европе стонут политкорректно, в ладошку). Это теперь относится уже не только к российской провинции (гастарбайтеры из сопредельных стран СНГ и мигранты с Кавказа), но и ко всей Европе, которая находится в стадии глубокой озабоченности произошедшим. Турецкий исследователь С. Илькан приводит слова одного местного торговца о торговцах – цыганах: «Они заполнили наши улицы» [8, с. 245]. Эта коронная фраза относится не только к мигрантам, но и к иностранцам, туристам, лимитчикам и т.д. Она обозначает процесс, связанный с ломкой привычных стереотипов и хаосом, который горизонтальная мобильность привносит в жизнь современного человека.

Таким образом, феноменологически выстраиваются две линии анализа и понимания чужого. Первая линия – это чужой как отчужденный от самого себя, «посторонний». А. Камю, по сути своей «НЕ Я». Развертывание этой линии ведет в глубины феноменологии и психоанализа.

Вторая линия это интерпретация «Чужого как не своего, принадлежащего к другому этносу, стране, нации, городу и т.д. Это «человек, пришедший из другого мира, среды, культуры, сообщества, способный разрушить наш гомогенный мир, культуру, бытие» [6, с. 168]. В крайнем варианте – это враг.

Таким образом, выстраивается достаточно сложная структура концепта «чужого». «Внешний чужой» как пришлый, мигрант, представитель другого этноса. «Внутренний чужой» – во-первых, как представитель своего этноса, но «чужой» как представитель другой среды или места обитания. И в этом случае это некая промежуточная форма, это условно «внутренне-внешний чужой». Поскольку он внутренний по своей гражданственности, но «внешний как пришлый». Во-вторых, это некая крайняя степень чужести, отчуждение от своей среды и самого себя.

Нас интересует, прежде всего, внешний чужой и два полюса его восприятия, поскольку огромную роль в формировании этого образа играет прежде всего наше воображение. Один полюс – это явление ксенофобии и формирование образа чужого как страшного, опасного, угрожающего нашему миру, или как неприятного, недостойного, отталкивающего. Отношение к чужому лежит в основе терроризма и экстремизма, особенно носящих этнорелигиозный характер. Восприятие другого как чужого, питает агрессию по отношению к другим этносам и нациям [6, с. 165].

Другой полюс – это формирование толерантного отношения к чужому, восприятие его как инаковости, но не враждебности, а как способа познания себя в зеркале чужого. Таким образом, на первый план выходит процесс формирования образа чужого, поскольку эмпирические исследования показывают, что «источником представлений о национальных особенностях какой-либо этнической группы является не столько опыт реального взаимодействия с ее представителями, сколько собственные фантазии, обывательские стереотипы, тенденциозные сообщения средств массовой информации» [6, с. 173].

Итак, в системе восприятия целого мира как чужбины, особое место начинает занимать проблема культурной безопасности, носящей комплексный характер, имеющая как вертикальный историко-культурный вектор, так и горизонтальный – стратегический. Хотя эта проблема становится актуальной в последние десятилетия практически для всего мира, и особую роль она начинает играть в мультикультурных регионах и мегаполисах, на понятийном и стратегическом уровнях она недостаточно изучена. Столкновение традиционной культуры региона и чужой культуры мигрантов, все расширяющийся разрыв между культурой образованной элиты и профессионалов, и культурой улиц и массмедиа заставляет нас внимательнее отнестись к анализу перспектив будущего культуры не только в форме сохранения культурных ценностей, но и в виде формирования системы толерантного сознания, выводящего на первый план этническую и конфессиональную толерантность.

Есть разница в формировании образа чужого и в уровне толерантности отношений в мультикультурном и поликультурном регионах. Мультикультуризм – это явление эпохи глобализации, когда нерегулируемые миграционные потоки превратили западные мегаполисы в многокультурные образования в течение достаточно короткого времени. В мультикультурном образовании каждый этнос существует обособленно, поддерживая свои традиции с очень четкой гранью между «своими и чужим». Поликультурность, с нашей точки зрения, это исторически, веками сложившаяся многокультурность, с уже устоявшейся системой толерантных отношений, единственно возможной в процессе совместного выживания. Здесь нет столь редких граней между своим и чужим.

Астраханский регион является достаточно репрезентативным для данного исследования поскольку исторически сложился как поликонфессиональный, но в последние десятилетия, так же как и современные мегаполисы, превратился в мультиконфессиональный.

Исторически сложившиеся традиции совместного общежития предполагали толерантность и неконфликтность. Отсюда сложилась традиция восприятия чужих этносов, давно проживающих на данной территории как своих, в системе мира в целом.

Однако в последнее время прослеживается нарушение исторически установившегося баланса сил и изменение мировоззрения коренного населения по отношению к мигрантам. Это проявляется в агрессивности, в конфликтности, мигрантофобии и в определенной степени провоцирует коренное население на собственную миграцию.

Поскольку изменяется объем понятия «Чужой». Оно становится более сложноструктурированным и многоаспектным. Наличие новых граней этого образа начинает все сильнее влиять на культурную безопасность. Однако все сложнее становится выявить корреляцию этого образа и нарастания культурных проблем. В силу этого требуется серьезный комплексный подход к изучаемой проблеме.

Библиографический список

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 2003.
2. Вандерфельс, Б. Мотив чужого / Б. Вандерфельс. – Минск, 1999.
3. Васильев, Л. С. Комплекс «свой-чужие» / Л. С. Васильев // Мы и они. Конформизм и образ «другого»: сб. ст. на тему ксенофобии. – М.: КДУ, 2007. – С. 63.
4. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин: учеб. для вузов / под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
5. Природа этнорелигиозного терроризма. – М., 2008. – С. 168.
6. Рикёр, П. Я – сам как другой / П. Рикёр. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008.
7. Романова, А. П. Современный Китай глазами Российских ученых (путевые заметки астраханцев, в первый раз увидевших Китай) / А. П. Романова, С. Н. Якушечков // Астраполис. – 2005. – № 1 (13).
8. Ican, S. Social space and the micropolitics of differentiation. An example from Northwestern Turkey / S. Ican // *Ethnology*. – Pittsburgh, 1999. – № 38. – P. 245.